

Проф. М. В. СЕРГИЕВСКИЙ

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Издание 2-е

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ
НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
МОСКВА
1947

Редактор И. Х. Дворецкий

А—11009. Подписано к печати 14/Х 1947 г.

Формат $60 \times 92\frac{1}{16}$. Объем $17\frac{1}{8}$ п. л.

Заказ 1388. Тираж 15000.

Цена 9 руб.

Типография „Искра революции“,
Москва.

Проф. М. В. СЕРГИЕВСКИЙ

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАНИЕ 2-е,
ПРОСМОТРЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ

*Допущено
Министерством Высшего Образования СССР
в качестве учебника для институтов
иностранных языков и филологических
факультетов
Государственных Университетов
и Педагогических институтов*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
МОСКВА 1947

ПРЕДИСЛОВИЕ К 1-му ИЗДАНИЮ

Настоящий очерк истории французского языка сложился из тех лекций, которые мне пришлось в течение ряда лет читать на старших курсах специальных языковых факультетов или отделений московских высших учебных заведений. Задачей курса является дать в руки студенту или преподавателю языка необходимое пособие по истории французского языка, которое в то же время подводило бы к дальнейшему чтению и критическому использованию более капитальных трудов по тому же предмету. Надо иметь в виду, что история французского языка давно привлекала внимание исследователей и имеет очень обширную и богатую научную традицию. Само собой понятно, что всего более в этом отношении было сделано во Франции. Важнейшие труды, посвященные истории языка, возникли там в связи с успехами романского языкознания во второй половине XIX века. Основатель романской филологии во Франции, Гастон Парис, был первым, начавшим заниматься систематическим изучением памятников языка в интересах его истории, и он же дал основные методологические установки, на основе которых пошла дальнейшая разработка и изучение предмета¹. Начатое им дело увенчано в настоящее время появлением капитального труда Фердинанда Брюно, труд всей жизни этого известного французского лингвиста, еще не закончившего его вполне выпуском в свет². За последние сорок лет появилось немало и других солидных трудов, посвященных историческому изучению французского языка, как, напр., шеститомная историческая грамматика датского романиста Кристофера Нюропа, сжатый, но очень содержательный компендиум В. Мейер-Любке, прекрасное руководство специально по старофранцузскому периоду Швана и Беренса, не говоря о более популярных или предназначенных в качестве учебников для высшей школы книгах Доза, А. Дармстетера, двух Брюно, Кледа и др.³. Если добавить к этому массу работ, посвященных от

¹ См. G. Paris, *Grammaire historique de la langue française. Leçon d'ouverture* (Mélanges linguistiques p. p. M. Roques. Paris, 1906, стр. 153—173); его же критический разбор первого тома книги Брюно, напечатанный в *Journal des Savants* за 1897 г. и перепечатанный в упомянутом сборнике, стр. 174—230.

² F. Brunot, *Histoire de la langue française*. Paris, Armand Colin. I, II, III 1—2, IV 1—2, V, VI 1 1—2, 2 1—2, VII, VIII 1—3, IX 1—2, 1896—1937.

³ Nyrop, K. *Grammaire historique de la langue française*, tt. I—VI, Paris-Copenhague 1914³—1929; Meyer-Lübke W., *Historische Grammatik der Französischen Sprache*, Bde I—II, Heidelberg; Darmesteter A., *Cours de grammaire historique de la langue française*, Vol. I—IV, Paris, Delagrave (ряд изданий); Brunot F. et Bruneau Ch., *Précis de Grammaire historique de la langue française*. Paris, 1933; Schwan-Behrens, *Grammatik des Altfranzösischen*, Leipzig,

дельным темам по истории языка, отдельным его периодам, притом работ, имеющих первостепенную важность, как то по фонетике, по истории словаря, по языку отдельных писателей, по диалектологии, то станет понятным, почему библиография важнейших только работ по истории французского языка насчитывает десятки названий, а если добавить журнальные статьи, то и многие сотни¹.

При этих условиях становится ясной и трудность для каждого автора приниматься за составление новой книги на ту же тему. Выпуская в свет свою книгу, я пытался, на основе критического использования обширного накопленного наукой материала, выбрать наиболее существенное и важное в истории литературного языка и в то же время проследить процесс развития разговорной французской речи, обычно оставляемой без внимания историками, но сыгравшей гораздо большую роль в деле развития национального языка страны, чем это принято думать.

Reisland (ряд изданий, французский перевод *Grammaire de l'ancien Français*, Paris, 1914⁴); Vossler K., *Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung*, Heidelberg, Winter; Dauzat A., *Histoire de la langue française*, Paris, 1930; Clédat L., *Manuel de phonétique et de morphologie historique de Français*, Paris, 1917.

¹ Отметим здесь лишь самые существенные: Rosset Th., *Les origines de la prononciation moderne*, Paris, 1911; Herzog E., *Historische Sprachlehre des Neufranzösischen*. I. Teil. Heidelberg, 1913; Bourciez E., *Précis historique de phonétique française*. Paris, 1921⁵; Suchier H., *Les voyelles toniques du vieux français*. Paris, 1906; Huguet E., *L'évolution du sens des mots depuis le XVI siècle*. Paris, 1934; Gohin, *Les transformations de la langue française pendant la 2de moitié du XVIII siècle*. Paris, 1903; Frey M., *Les transformations du vocabulaire français à l'époque de la Révolution*. Paris, 1925; Sainéan L., *Le langage parisien au XIX siècle*. Paris, 1920; Sainéan L., *Les sources indigènes de l'étymologie française*, I—III, Paris, 1927; Lerch E., *Historische französische Syntax*, I—II, Leipzig, 1925—29; Sneyders de Vogel K., *Syntaxe historique du Français*, Groningen, 1927⁶. На другие труды, в том числе и важнейшие работы по диалектологии, ссылки даны в тексте книги.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ И ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ

- a — а
- b — б
- d — д
- e(e) — е закрытое
- ɛ(ɛ) — е открытое
- ə — как *e* во франц. *de*
- f — ф
- g — г
- h — придыхание (нем. *hoch*, *haben*)
- i — и
- j — средненебный звонкий фриктивный согласный, как *y* в франц. *rauer* или *i* в *bien*
- k — к
- l — л русское, т. е. веларизованное
- l — французское
- m — м
- n — н
- o(o) — о закрытое
- ɔ(ɔ) — о открытое
- p — п
- r — р переднеязычное
- R — р увулярное (франц. *r* *grasseye*)
- s — с
- ʃ — ш
- t — т
- u — у
- v — в
- x — х
- z — з
- ʒ — ж
- tʃ — ч
- ts — ц
- dʒ — дж (англ. *j*)
- ɣ — задненебный фриктивный звонкий, как южно-русское *г*
- ð — межзубный фриктивный звонкий, как в англ. *that*

- θ — межзубный фрикативный глухой, как в англ. *think*
 ɥ — неслоговое *y*, образующее дифтонг
 ɹ — й, т. е. неслоговое *i*, образующее дифтонг
 w — билабиальный согласный, как в англ. *well*, франц. *moi, oui*
 ɰ — билабиальный согласный, как во франц. *lui, puits*
 ʏ — лабиализованный гласный переднего ряда, как во франц. *tu, pur*
 ø(œ) — лабиализованный открытый средний гласный переднего ряда, как в франц. *peur*
 ɤ(ø) — тот же, но закрытый гласный, как в франц. *peu*
 ~ над гласным означает носовой характер звука: *ā, ō, ē, ō*, как во франц. *an, bon, vin, un*
 — означает долготу гласного
 ˘ означает краткость гласного
 > означает «развивается в»
 < означает «восходит к» или «развилось из»
 ' означает мягкость согласного: *n'* как в франц. *vigne, montagne*; *l'* как итал. *figlio*
 * впереди слова показывает, что оно не засвидетельствовано в памятниках.

Глава I

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ

§ 1. Французский язык принадлежит к группе романских языков, в которую вместе с ним входят языки испанский, португальский, каталонский на Пиренейском полуострове, провансальский в южной части Франции, сардинский и итальянский, рето-романский на юго-востоке Швейцарии и румынский с молдавским в Румынии и Молдавской ССР. Французский язык является национальным и государственным языком современной Франции, Бельгии (наряду с фламандским), Швейцарии (наравне с немецким и итальянским)¹. Общее число французов во Франции исчисляется по данным на 1926 г. в 35 миллионов, куда входит и около 10 миллионов двуязычных провансальцев, для которых родным языком можно считать провансальский. Остальное население во Франции составляют национальные меньшинства, как, например, баски в департаменте Нижних Пиренеев (округа Байонн и Молеон) с общим числом говорящих на родном языке около 100 тысяч; каталонцы в департаменте Восточных Пиренеев, в количестве до 186 тысяч; бретонцы на полуострове Бретань, в департаментах Финистер, Морбиан и Кот-дю-Нор, в количестве около 1 миллиона; фламандцы в департаменте Нор, в округе Денкерк, в количестве около 200 тысяч; немцы в Эльзасе, в количестве около 1.300 тысяч; итальянцы на острове Корсике в количестве ок. 300 тысяч; всего, следовательно, около 3 миллионов населения².

В Бельгии к области французского языка относится южная часть страны, точнее—южная половина провинций западной и восточной Фландрии, южного Брабанта и Лимбурга и полностью Эно, Намюр, Льеж и Люксембург, с общим числом говорящих

¹ Приводимые ниже цифры взяты из статистики языков в Европе, составленной Теньером в приложении к книге Meillet A., *Les langues dans l'Europe nouvelle*. 2e éd., P. 1928; ср. также Suchier H., *Die französische und die provenzalische Sprache* (Grundriß der romanischen Philologie, hgg. von G. Gröber, I Band, 2 Aufl., 1904/06).

² После мировой войны 1939—1945 гг. численность итальянского и немецкого населения во Франции несомненно сильно изменилась, но цифровых данных об этом еще нет. *Ред.*

в 3,5 миллиона. В Швейцарии к области французского языка принадлежат кантоны: Женева, Нёшатель, Во, большая часть Вале и Фрейбурга, с общим числом говорящих по-французски свыше 800 тысяч. На нормандских островах: Гернсей, Джерсей, Сарк и Ориньи, находящихся под властью Англии с 1204 г., жители говорили по-французски (на нормандском диалекте), но из общего их числа (до 90 тысяч) французский сохранила приблизительно половина¹.

Труднее дать цифры распространения французского языка в колониях. Прежде всего надо отметить около 1.900.000 французского населения Канады, часть которого сохраняет и французский язык наравне с английским²; затем около 80.000 французов в штате Луизиана, уступленном Францией Америке в 1803 г.; на Антильских островах, особенно Гаити, и в Гвиане, включая и креолов, около 2.000.000; в старых французских колониях: Гваделупа около 167.000, Мартиника—190.000, Реюнион—168.000. В новых колониях, в северной Африке, французский язык является по преимуществу официальным языком французских чиновников, капиталистов и служащих и мало усвоен коренным населением. Около 30 лет тому назад в Алжире и Тунисе числилось до 322.000 французов, не считая военных частей.

Вся область французского языка делилась ранее — и частью сохраняет это деление до сих пор — на диалекты, из которых можно здесь перечислить нормандский на северо-западе (деп. Орн, Эр, Манш, Кальвадос, Нижняя Сена) и на островах, пикардский на севере (деп. Нор, Па-де-Кале, Сомм), валлонский в Бельгии, лотарингский на востоке (Мёз, Мёрт-э-Мозель, Вож, Бельфор), бургундский на юго-востоке (Кот-д'Ор, Йонн, Сон-э-Луар, Эн), юго-восточные в Франш-Конте, Лионе, Савойе, Дофинэ и во французских кантонах Швейцарии. Подробнее о положении диалектов см. §§ 330—313 и приложенную там карту³.

¹ О французском языке на Джерсей интересное замечание делает Энгельс в своем письме к Марксу от 5 сентября 1874 г. Описывая свое посещение острова, он сообщает: «Французский язык быстро исчезает, дети даже в деревне говорят между собою почти только по-английски, а люди моложе тридцати лет почти все говорят по-английски без всякого французского акцента. Только старая знать держится еще крепко за французский язык» (Собрание сочинений Маркса и Энгельса, изд. ИМЭЛ, т. XXIV, стр. 438).

² См. Meyer-Lübke W., Das Französische in Kanada (Germanisch-romanische Monatsschrift, Bd. I, 1909, стр. 133 и след.).

³ Надлежит также упомянуть о своеобразной форме, которую французский язык принял в некоторых колониях в устах местного креольского населения. Мы встречаем там (напр., на острове Маврикия) французско-креольский язык, утерявший почти все элементы своего грамматического строя: различия рода, числа, артикли, падежные различия в местоимениях, личные и временные формы в глаголах, а также служебные слова. Фонетическая система также сильно упрощена. См. об этом Bos A., Note sur le créole que l'on parle à

§ 2. Как и все романские языки, французский язык ведет свое начало от латинского языка, распространившегося на территории нынешней Франции после ее завоевания Юлием Цезарем в 58—51 гг. до н. э. Как мы знаем из свидетельства самого Цезаря и других античных писателей¹, территория нынешней Франции, называвшаяся в древности Галлией, была заселена до римского завоевания различными народами. Главную массу на севере и в центре страны составляли народы кельтского племени или, как их называли римляне, галлы, говорившие на своем кельтском или галльском языке. На юге страны большая часть территории была занята аквитанами, народом иного происхождения, ближе стоявшим к иберам, населявшим территорию древней Испании, о чем совершенно определенно свидетельствует греческий географ Страбон (ок. 18 г. н. э.). Со времени завоевания Галлии Цезарем она была поделена на три провинции: Аквитанию, Лугдунскую и Бельгийскую, и очень быстро стала романизоваться². Римские школы, римская культура, римская администрация способствовали тому, что население — в первую очередь, городское — стало усваивать латинский язык. Однако здесь, в завоеванных провинциях, распространялся и усваивался не язык господствующих слоев римского общества, не литературная латынь, на которой писал свои мемуары Юлий Цезарь и произносил свои речи Цицерон, а язык народно-разговорный, язык преимущественно городского населения, на котором говорили местные администраторы и чиновники, legionеры и ветераны, торговцы и вольноотпущенники, а вслед за ними огромная масса мелких ремесленников и рабов³. Этот-то разговорный латинский язык, для которого в научной литературе установился технический термин «вульгарная (т. е. простонародная) латынь», был широко распространен в римских провинциях, особенно в городах, и даже нашел свое письменное выражение в так наз. вульгарно-латинских надписях, писанных местными грамотеями и писарями муниципалитетов. Некоторые указания на него встречаются и у римских грамматиков IV—VI вв. н. э.⁴

L'île Maurice («Romania» за 1880 г., т. IX, стр. 571—578), а также Baissac, Etude sur le patois créole mauricien, P., 1880. Подобные креольско-французские языки известны на Антильских островах, в Луизиане, Гвиане и др.

¹ Все они приведены в книге Budinszky A., *Die Ausbreitung der lateinischen Sprache über Italien und Provinzen des römischen Reiches*. Berlin, 1881, гл. III.

² См. карту № 1.

³ См. Mohl G., *Introduction à la chronologie du latin vulgaire*, P., 1899.

⁴ О вульгарной латыни см. Grandgent Ch. H., *Introduction to Vulgar Latin*. Boston, 1907 или в новом, дополненном издании в испанском переводе: *Introducción al latín vulgar*. Madrid, 1928, где приведена и вся важнейшая литература.

Но по мере распространения своего из городов в деревню, сама вульгарная латынь подвергалась видоизменению. Разноплеменное и разноразличное население римских провинций — в частности, и в Галлии — по-разному усваивало этот латинский разговорный язык, и понятно, что на севере и на юге страны, при различных языках аборигенов, должны были сложиться несколько различные диалектальные черты вульгарно-латинской речи, по мере проникновения ее из городов в сельские местности. Различный этнический субстрат в первую очередь обусловил различные особенности этой вульгарной латыни Галлии. К этому присоединилось еще и то обстоятельство, что романизация Галлии на юге происходила более интенсивно, чем на севере. Еще в конце IV в. писатель Сульпиций Север показывает нам в одном из своих диалогов галла, который, выступая перед аквитанцами, считает нужным сделать оговорки насчет своей грубой речи: «Но как только я подумаю, что я, галл, буду говорить среди аквитанцев, я боюсь, что моя более грубая речь оскорбит ваш слишком изящный слух: вы ведь услышите меня как неуклюжего, не владеющего изящной и красивой речью человека»¹. Мы и по другим данным знаем, что в Аквитании местный язык жителей исчез раньше, тогда как в Галлии продолжал еще долго сохраняться кельтский язык первоначального населения. Об этом свидетельствует тот же С. Север в других своих сочинениях; о том же говорит в IV в. Иероним, сравнивая язык галатов Малой Азии с языком кельтского племени тревиров², о том же, наконец, говорит — и еще более убедительно — факт занесения одного разъяснения знаменитого юриста III в. Ульпиана в кодекс законов императора Юстиниана VI в., где о кельтском языке упоминается как о языке живом³.

§ 3. Мы очень недостаточно знаем особенности галльской или аквитанской латыни, так как живая речь галльского крестьянина той или иной провинции, говорившего на своеобразном местном диалекте, не зафиксирована ни в каких памятниках. Но эта речь, несомненно, заключала в себе и своеобразные осо-

¹ Sed dum cogito me, hominem Gallum, inter Aquitanos verba facturum, vereor, ne offendat vestras nimium urbanas aures sermo rusticior. Audietis me tamen ut gurdonicum hominem nihil cum fuco aut cothurno loquentem (Dial. 1, 27). См. о том же Jud J., Probleme der altromanischen Wortgeographie (Zeitschrift f. roman. Philologie, Bd. 38, 1914, стр. 1 и след.).

² См. Budinszky, указ. сочин., стр. 115.

³ Дело идет о разъяснении Ульпианом того, что сделанный в завещании «отказ» (fideicommissum) в чью-либо пользу части имущества имеет юридическую силу, даже если он изложен не на латинском, но на галльском языке.

бенности произношения, и местные галльские слова, неупотребительные в других провинциях. Эти элементы вскрываются только позднее, когда мы имеем дело уже с памятниками французского языка. В самом деле, письменные памятники латинского языка галльских писателей и даже вульгарной латыни Галлии¹ не отражают речи галло-романского населения, а представляют или литературный язык эпохи расцвета римской культуры в стране, или же разговорный язык городского населения, более или менее отличный от литературного, но общеупотребительный в разных областях римского государства. Подобным образом в современной Греции общий разговорный язык отличается от литературного и в то же время от местных крестьянских диалектов всех областей. И все же галльские элементы речи обнаруживаются для нас прежде всего в названиях мест: рек, урочищ, населенных пунктов². Достаточно указать на то, что все самые известные названия городов Франции — галльского происхождения: Paris, Reims, Bayeux, Angers, Langres, Beauvais, Troyes, Chartres, Nantes, Soissons, Amiens происходят от названий отдельных галльских племен: Parisii, Remi, Baiocasses, Andegavi, Lingones, Bellovacii, Tricasses, Carnutes, Namnetes, Suessiones, Ambriani. Названия: Lyon, Verdun, Iverdon, Averdun и т. п. во второй своей части имеют кельтское слово *dūnum* 'город'. Названия: Rouen, Vendon, Argenton, Noyon, Caen, Cahon, Charenton и т. п. в основе второй части содержат кельтское *magos* 'поле'. Многочисленные названия на *-ai*, *-i(-y)* на севере, которым на юге соответствует *-ac*, как Albigny или Albignac, Blanzу или Blanzac, Chauvigny или Calvignac, Evry или Yvrac, Fleury или Florac, Jully или Juillac, Savigny или Savignac, Champigny или Champagnac и т. п., образованы с помощью кельтского суффикса *-acos*, в латинизированной форме *-acus*. Поскольку этот суффикс присоединяется обычно к собственным именам — и, притом, римских владетелей — известный историк кельтских древностей во Франции, д'Арбуа-де-Жюбэнвиль, выдвинул теорию возникновения частной собственности на землю в Галлии только после римского завоевания. Именно в этом большом распространении названий, обозначающих принадлежность, он усматривал признак того, что в каждом кельтском городе были неподделенные между отдельными владельцами земельные угодия, которые только после этого завоевания были распределены между частными лицами³.

¹ См. Pirson J., *La langue des inscriptions latines de la Gaule*. Bruxelles, 1901.

² См. Longnon A., *Les noms de lieu de la France*. Fascicule I, P., 1920.

³ Следует указать, что на почве древней Галлии встречаются местные названия, принадлежащие и более древнему, до-кельтскому, населению страны,

Кроме того в словаре французского языка сохранилось около 300 кельтских слов, относящихся преимущественно к сфере крестьянского быта и хозяйства. Таковы, например, *alouette* (старофранц. *aloue*), *bec*, *braie*, *bouleau*, *breuil*, *chemin*, *chemise*, *raie*, *javelle*, *soc*, *charrue*, *volan*, *claie*, *ruche*, *brasser*, *tonneau*, *charpente*, *banne*, *bille*, *mouton*, *bouc*, *saumon*, *lotte*, *jarret*, *marne*, *grève*, *lande*, *quai*, *lieue* и др.¹ Часть кельтских слов сохранилась только в отдельных диалектах Франции. Совершенно правильный вывод делает из всех этих фактов В. фон Вартбург, когда он говорит «*Le paysan gallo-romain s'accoutumait à se servir des termes latins pour désigner les produits qu'il vendait à la ville . . . Mais pour les choses . . . qui ne sont familières qu'au paysan . . . il ne s'est pas laissé imposer le terme latin . . . Ce sont les habitants des villes qui ont les premiers abandonné la langue maternelle*»². Не приходится сомневаться, что сельское население Галлии, усвоившее постепенно латинский язык в его разговорной форме, говорило на своеобразном диалекте с значительной примесью кельтских слов и с особенностями в области произношения и морфологических черт. В науке было много споров о том, какие явления в фонетике французского языка следует отнести за счет кельтского влияния, но здесь мы на этом подробно останавливаться не будем, отсылая интересующихся к указанной литературе³.

§ 4. В течение нескольких столетий, пока шло усвоение латинского языка в его разговорной форме местным населением Галлии, сама вульгарная латынь постепенно менялась. Она все далее отходила от литературного языка, становившегося достоянием только образованных людей, прошедших школу и живших в городах. Сам литературный язык становился все более архаич-

в котором есть все основания видеть лигуров, населявших также северо-запад Италии. Этот народ с неиндоевропейским языком оставил по себе след в некоторых названиях, особенно в именах с суффиксом -*asci* или -*osci*, -*usci* откуда например, *Gréasque*, *Venasque*, *Vichosc*, *Salasc*, *Lantosque*, *Albiosc*, *Venosc* и т. п. Некоторые же названия позволяют вскрыть еще более древний слой, чем лигурийский, как, напр., *Seine* (<*Sequāna*) *Saône* (<*Sauconna*), *Lutèce* (<*Lutetia*): акад. Н. Я. Март разяснил их как этрусские или пеласгские, см. его «*La Seine, La Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule Etrusques et Pélasges*», Петроград, 1922 или в русском переводе в «Избранных работах», т. I, стр. 137—148.

¹ См. список кельтских слов у Е. Gamillscheg, *Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache*. Heidelberg 1926—1929, стр. 1043—1048.

² W. v. Wartburg, *Evolution et structure de la langue française*. Lpz. u. Berlin, 1934, стр. 19—20.

³ Meyer-Lübke, *Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft*, гл. Vorlateinisch und Romanisch. Cp. Jespersen O., *Language*, London, 1925, гл. XI.

ным, сохраняя слова, уже вышедшие из живого употребления и становившиеся часто вовсе непонятными. В разговорном же языке происходил процесс глубокого внутреннего преобразования, сводившийся в основных чертах к изменению не только звуковой стороны, но и самой структуры речи. Этот процесс, заметный — конечно, не во всех своих деталях — по дошедшим до нас вульгарно-латинским памятникам, может быть охарактеризован как начало постепенного перехода от синтетического строя речи к аналитическому; перехода, вызванного определенными сдвигами в самом мышлении¹. Важнейшее, на что здесь следует указать, сводится к постепенному сокращению числа форм склонения и спряжения и к замене их новыми, описательными оборотами. Отметим, прежде всего, утрату среднего рода как особой грамматической категории. Уже рано наблюдаются случаи перехода имен среднего рода в мужской, и еще в I в. н. э. в романе Петрония отмечены разговорные формы *balneus*, *caelus*, *vinus*, *fatus*, *vasus* вместо литературных *balneum*, *caelum*, *vinum*, *fatum*, *vas*. Позже число их в вульгарно-латинских памятниках все увеличивается; сравним, например, *castellus*, *lignus*, *signus*, *verbus* и др. в Вульгате IV в. В конечном счете огромное большинство слов среднего рода переходит в мужской, и только ряд форм множественного числа имен среднего рода, имевших собирательное значение, со своим окончанием *-a* воспринимается как слова женского рода единственного числа. Так, например, формы *gaudia*, *folia*, *brachia*, *gesta* становятся словами женского рода, откуда и французские *la joie*, *la feuille*, *la brasse*, *la geste*. Как известно, ни один романский язык не имеет категории среднего рода.

В склонении существительных происходит, прежде всего, сокращение самих типов склонения, и вместо прежних пяти их остается только три: мужского рода на *-us*, женского на *-a* и обоих родов на *-es* (или *-is*) или на согласный. Постепенно утрачиваются и падежные формы, уступая место описательным предложным конструкциям. Так, вместо родительного падежа появляется конструкция с предлогом *de*, напр. *de sorore nepus* вм. *sororis nepos* в надписях Галлии; *de aceto plenum* вм. *aceti plenum* в Вульгате; вместо дательного входит в употребление конструкция с *ad*, напр., *ait ad me* вм. *ait mihi* или *dicens ad eum* вм. *dicens ei* в «*Peregrinatio Silviae ad loca sancta*» IV в. и т. п. Описательные конструкции с предлогами *de*, *ab* или *ex* начинают заменять отложительный падеж, напр., *dulcius ab hac voce*, *de manibus suis*, *occidam de lancea*, *ab sceleribus parce* и т. п., где в литера-

¹ Попытку охарактеризовать его делает Vossler в своей статье «*Neue Denkformen im Vulgärlatein*» (*Hauptfragen der Romanistik, Festschrift für Ph. A. Becker*. Heidelberg, 1922).

турном языке предлога не нужно. В результате этого процесса на западной территории Римской империи осталось только два падежа: именительный и винительный, причем последний в сочетании с указанными выше предлогами выполнял роль всех утраченных падежей. При этом с утратой конечного *-m* (см. § 6) в некоторых случаях исчезло даже различие между оставшимися падежами. Формы вульгарно-латинского склонения в Галлии приняли таким образом следующий вид:

<i>I склонение</i>		<i>II склонение</i>		<i>III склонение</i>	
			Ед. число		
<i>Им.</i>	terra	murus	fructus	canis	pater
<i>Вин.</i>	terra(m)	muru(m)	fructu(m)	cane(m)	patre(m)
			Мн. число		
<i>Им.</i>	terre и terras	muri	fructi	canes и *cani	patres и *patri
<i>Вин.</i>	terras	muros	fructos	canes	patres

Само собой понятно, что склонение исчезло и у прилагательных и местоимений, хотя у последних частью сохранилась еще форма дательного падежа. Прилагательные, с другой стороны, несколько упростились в отношении образования родовых окончаний, а главное, утратили прежние синтетические способы образования форм степеней сравнения; вместо них развились новые, описательные. Так, формы сравнительной степени на *-ior* заменились описаниями из наречий *magis* или *plus* и положительной степени. Превосходная степень на *-issimus* чаще является тоже замененной описанием с наречием *valde*, а еще позже в романских языках на ее месте появляется известное сложение сравнительной степени с определенным членом.

Значительно изменились местоимения. Часть старых указательных исчезла (*hic*, *iste*, *idem*, *is*), указательное *ille* в новой своей форме *elli* (муж.), *ella* (жен.) стало обозначать личное местоимение 3-го лица. Взамен этих форм появились новые путем сложения: *ecce + ille*, *ecce + iste*, также *id + ipsum*, *met + ipsimus* и др. Наряду с самостоятельными формами личных и притяжательных образуются несамостоятельные, проклитические или энклитические, употребляемые при глаголах или именах без самостоятельного ударения. Некоторые формы изменились и в своем произношении. Добавим, что частично сохранились здесь и формы среднего рода. Таким образом, можно предполагать существование в вульгарной латыни Галлии следующих местоименных форм:

Личные местоимения

	1-го л.		2-го л.	
<i>Им.</i>	*eo	nōs	tu	vōs
<i>Дат.</i>	mī	(nōbes)	tī	(vōbes)
<i>Вин.</i>	mē	nōs	tē	vōs

	3-го л.			
<i>Им.</i>	*elli	ella	elli	ellas
<i>Дат.</i>	*elli, ellui	elli, *ellei	elloru	elloru
<i>Вин.</i>	ellu	ella	ellos	ellas

Притяжательные местоимения

	1-го л.	2-го л.		3-го л.
mēus	mēa	*tōus	tōa	*sōus sōa
nōster	nōstra	vōster	vōstra	ellōru

Склонение притяжательных соответствовало вышеприведенным типам склонения имен мужского и женского родов.

Указательные местоимения

*eccēlli eccēlla *eccēsti eccēsta eccjoc (<ecce+hoc).

Склонение соответствовало местоимению 3-го лица.

Вопросительные и относительные местоимения

<i>Им.</i>	qui	quēd
<i>Дат.</i>	cui	cui
<i>Вин.</i>	quem	quēd

Надо еще отметить, что прежнее указательное местоимение ille, сохраняя свое указательное значение, с течением времени начало ослабляться и постепенно развилось в определенный член. Случаи такого его употребления заметны уже в вульгарно-латинских памятниках, напр: et dixit illis suis discipulis: proferte mihi stolam illam primam (в Вульгате).

В системе спряжения происходит также утрата части старых форм, как, напр.: всех синтетических форм страдательного залога, причастий, герундия, супина и инфинитивов, кроме действительного причастия настоящего времени, страдательного причастия прошедшего времени, отложительного падежа герундия и инфинитива настоящего времени. В связи с утратой форм страдательного залога так наз. отложительные глаголы начинают